

риода русско-чешские взаимоотношения были постоянными. Не только чешские произведения, как жития св. Вячеслава и Людмилы, переходили на Русь, но в рамках церковных связей осуществлялось и обратное культурное влияние. Весьма важные данные из области церковных связей сохранил сазавский монах в примечании к Хронике Козьмы Пражского под 1095 г. Тогда в его монастыре была освящена часовня, построенная игуменом Бежетехом, а в одном из двух тамошних алтарей, кроме других реликвий, хранились мощи св. Глеба и его друга.⁸⁰ М. Н. Сперанский так резюмировал обзор вопроса о значении чешско-моравских памятников для русской письменности: «Как памятники западного происхождения, они могли доносить к нам и западное культурное влияние, но на деле этого мы не видим, во-первых, потому, что в них ничего специфически западно-христианского (например, в области догматики), кроме терминологии и лексики, не было; во-вторых, они прошли через югославянскую среду (по типу культуры — восточную), значительно стершую и эти внешние следы западнославянской их физиономии; в-третьих, эти памятники очень многочисленны по сравнению с массой восточных, пришедших к нам».⁸¹ Это положение М. Н. Сперанского принимает и Н. К. Гудзий.⁸² Мне кажется, что приведенные результаты исследований в области русско-западнославянских литературных связей за последние 40 лет позволяют несколько ограничить все три положения цитированной аргументации М. Н. Сперанского.

Нельзя сказать, что в памятниках западнославянской письменности X и XI вв. не было ничего специфически западного, кроме терминологии и лексики. Упомянутая «десятина» является не только термином, а важнейшей нормой западного церковного права, вошедшей в русский юридический быт, которая сама по себе говорит о силе западного влияния в данной области, так же как и упомянутая церковная терминология. Если в X и XI вв. не было еще обширной полемической литературы о догматических расхождениях между западной и восточной церковью, существовали значительные различия в содержании литургических текстов и особые молитвы вроде упомянутых западных молитв со специфически западными элементами. Но и независимо от больших или меньших догматических различий в западных и восточных памятниках письменности важно, что именно с Запада пришли и на Балканы, и на Русь памятники такого культурного значения, как Никодимово евангелие, первый перевод Номоканона, «Закон судный людем», первый сборник поучений и первые житийные произведения. Уже сами эти примеры свидетельствуют, что западнославянское влияние при возникновении славянской письменности в качественном отношении должно было быть значительным.

Не бесспорно и утверждение, что число западных памятников было весьма незначительно в сравнении с числом восточных, перешедших на Русь. Из области канонической письменности мы привели три важных памятника, возникших в Моравии, рядом с которыми можем в эпоху старославянской письменности поставить только два возникших в Болгарии: перевод Номоканона XIV титулов и, вероятно, перевод Синодика в не-

ния по поводу его скептического отношения к значению связей в древнейшую эпоху см.: (И. Вашица, Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 8—9.)
⁸⁰ См.: М. Коутная, Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 13.

⁸¹ М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. Введение. Киевский период. Изд. 3-е. М., 1920, стр. 277.

⁸² Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 23.